
Андрес Сербин (Аргентина)

Новый цикл латиноамериканского регионализма в XXI в.?

Вызовы и препятствия на этапе нормализации отношений между Кубой и США

В статье анализируются феномен латиноамериканского регионализма, усилившегося в первом десятилетии XXI в. под воздействием благоприятной международной конъюнктуры, а также новая стратегия Вашингтона в отношении Латинской Америки как ответа на расширение присутствия в регионе таких акторов, как Китай, Россия, Иран и др.

Ключевые слова: латиноамериканский регионализм, США, Китай, Россия, АТР, Вашингтон, Гавана.

I. СОВРЕМЕННАЯ САГА КУБЫ И ЕЕ ОТНОШЕНИЙ С США: НАСКОЛЬКО ВЕЛИКО ВЛИЯНИЕ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ?

Отношения между Кубой и США в региональном контексте: недавние события

17 декабря 2014 г., через три дня после празднования в Гаване 10-й годовщины создания Боливарианского альянса для народов нашей Америки (Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA) лидеры США Барак Обама (2009 — н/в) и Кубы Рауль Кастро (2008 — н/в) объявили, что по прошествии полувекового периода враждебности между двумя государствами эти страны начали двусторонние переговоры с целью восстановить дипломатические отношения. Хотя это заявление стало сюрпризом для ближайшего союзника Кубы — боливарианского правительства Николаса Мадуро (2013 — н/в) в Венесуэле, — оно отвечало ожиданиям и давним надеждам правительств Латинской Америки и Карибского бассейна. На протяжении двух последних десятилетий, пока большинство правительств региона (особенно те, что располагаются в левой части поли-

Андрес Сербин — президент Регионального координационного центра экономических и социальных исследований (Coordinadora Regional de Investigaciones Económicas y Sociales, CRIES) с офисом в Буэнос-Айресе, эксперт в области международных отношений (aserbin@cries.org).

тического спектра) занимали критические позиции по отношению к США и обличали на региональных и международных форумах экономическую блокаду острова, надежды на преодоление конфронтации существенно возрастали. В частности, после V Саммита Америк, прошедшего в апреле 2009 г. в г. Порт-оф-Спейн (Тринидад и Тобаго), на котором Обама пообещал применить новый подход к Латинской Америке — более открытый и нацеленный на диалог. Действительно, с того момента осязаемой показалась вероятность того, что Куба — единственная в Западном полушарии страна, исключенная из межамериканской системы, — вернется в нее после приостановки ее членства в Организации американских государств (ОАГ) в 1962 г. и сможет принимать участие в Саммитах Америк. Вероятность этого была особенно очевидна перед VI Саммитом Америк, который состоялся в г. Картахена-де-лас-Индиас (Колумбия) в 2012 г., когда президенты латиноамериканских и карибских государств усилили давление на США с целью возвращения Кубы, а президент Колумбии Хуан Мануэль Сантос даже предварительно съездил в Гавану, чтобы провести переговоры по данному вопросу с кубинскими властями. И действительно: уже в июне 2009 г., во время 39-й Генассамблеи ОАГ в г. Сан-Педро-Сула (Гондурас), где в результате давления стран региона (несмотря на уклончивую позицию США) было единогласно принято решение отменить резолюцию 1962 г., на основании которой Куба была исключена из организации. Возвращение Кубы в сообщество поддержало большинство правительств стран Западного полушария, а не только те, что входят в ALBA.

Несмотря на то, что переговоры между США и Кубой начались в декабре 2014 г.¹ — через год после начала секретного посредничества Ватикана и правительства Канады, — один из вопросов, который возник в связи с этим процессом, заключался в том, насколько правительства Латинской Америки и Карибского бассейна — и особенно Южной Америки — поспособствовали данному диалогу на фоне их растущей автономности от США и стремительных перемен, происходивших в полушарии.

Чтобы рассмотреть этот вопрос, необходимо проанализировать два важнейших фактора, повлиявшие на этот процесс. Во-первых, новая архитектура региональной управляемости, сформировавшаяся после окончания холодной войны и событий 11 сентября 2001 г., на фоне постепенного дистанцирования США от региональной повестки, чья политика в отношении стран полушария свелась к борьбе с наркотрафиком и миграцией. Во-вторых, осторожная и тщательно выверенная стратегия по воздействию на позицию США в отношении Кубы, которую выработали некоторые ключевые латиноамериканские игроки. Эти два фактора были тесно связаны между собой: на фоне возникновения нового латиноамериканского регионализма, проявившегося в создании таких организаций, как ALBA, Союз южноамериканских государств (Unión de Naciones de América del Sur, Unasur) и Сообщество латиноамериканских и карибских государств (Comunidad de Estados de América Latina y el Caribe, CELAC), куда не вошли США и Канада, а Бразилия, Мексика и Венесуэла, занимавшие в последнее десятилетие лидирующие позиции в регионе, так или иначе сыграли в этом процессе ведущую роль.

Нельзя недооценивать еще один фактор. С 1970-х годов, когда Куба начала устанавливать более тесные связи со странами — членами Карибского сообщества (Caribbean Community, CARICOM), до конца 1990-х, когда ее

приняли в Латиноамериканскую ассоциацию интеграции (Asociación Latinoamericana de Integración, ALADI), Гавана проводила последовательную внешнюю политику, нацеленную на расширение и углубление отношений с Латинской Америкой в рамках международной стратегии прогрессивного расширения «концентрических окружностей»². Реализации этой стратегии способствовал приход к власти различных популистских левоориентированных партий и движений, многие из которых были связаны с Форумом Сан-Паулу, собирающим прогрессивные партии, симпатизирующие революционному правительству Кубы, и особенно его непреклонной позиции относительно североамериканского империализма. Дипломатия Гаваны, накопившая большой опыт глобального проецирования Кубы в предшествующие десятилетия, также помогла установлению более тесных отношений со странами ЛКА и подготовке платформы для начала переговоров между США и Кубой.

Новый латиноамериканский регионализм и его влияние на взаимоотношения в Западном полушарии

С 1950-х годов можно выделить три этапа развития латиноамериканского регионализма. Первый пришелся на 60—80-е годы — период сильной гегемонии США, в течение которого латиноамериканский регионализм, тем не менее, уже формировался вокруг стремления к большей автономности посредством создания региональных рынков и выработки региональных курсов на индустриализацию и импортозамещение, вдохновленные идеями аргентинского экономиста Рауля Пребиша и Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК). Второй этап начался в конце 1980-х — в начале 1990-х годов под несомненным влиянием так называемого Вашингтонского консенсуса и концепции «открытого регионализма», предложенной той же ЭКЛАК, с добавлением неолиберального подхода и стимулированием торговой либерализации, политикой открытой экономики и устранением торговых барьеров, сильным упором на роль рынка. Вопросы торговли, инвестиций и макроэкономики стали доминирующими в новой региональной повестке — в ущерб роли государства и социальной политике. На этом фоне Вашингтон выступил с инициативой создания Зоны свободной торговли Америк (Área de Libre Comercio de las Américas, ALCA), проецируя на полушарие модель, разработанную в рамках Североамериканского соглашения о свободной торговле (North American Free Trade Agreement, NAFTA). Тем не менее в первом десятилетии этого века одновременно с провалом переговоров по ALCA во время саммита Америк в г. Мар-дель-Плата (Аргентина) в 2005 г. — в первую очередь из-за критической позиции правительств Аргентины, Бразилии и Венесуэлы, а также широкого Континентального социального союза (Alianza Social Continental, ASC), в который входят профсоюзы и социальные движения всего полушария, — стали появляться новые формы регионального сотрудничества, политического сближения и социально-экономической интеграции. Новые формы регионализма, которые некоторые аналитики называют «постлиберальными» или «постгегемоническими»³, основаны на создании региональных организаций, отдающих приоритет роли государства, межправительственных соглашениях и новой региональной повестке, в которой ключевыми стали социальная политика, развитие и исключение США и Канады⁴.

Эта фаза отобразила в латиноамериканском ракурсе ряд глубоких перемен, которые происходили тогда в международной системе, а также эффект от них в регионе. После окончания холодной войны и, особенно, после событий 11 сентября 2001 г. в США, Вашингтон переориентировал свои глобальные стратегические приоритеты на Ближний Восток и другие регионы, тогда как внимание к Латинской Америке ослабло, если не считать самых ближайших соседей — Мексику, Центральную Америку и Карибы. Этот процесс ослабил как отношения между США и ЛКА, так и в целом межамериканскую систему, которую резко критиковали некоторые правительства региона и особенно те, что вошли в ALBA. Одновременно финансовый кризис 2008—2009 гг. и последовавший кризис в странах Зоны евро вызвали спад европейского присутствия в регионе. Связи между латиноамериканскими государствами, в первую очередь политические, существенно укрепились, несмотря на то, что они так и не выработали единую и последовательную повестку региональной интеграции. Свое экономическое присутствие в Латинской Америке расширили новые акторы, в частности, Индия, Южная Корея и особенно Китай, как ранее это сделала Япония. Другие страны — Россия и Иран — также установили более тесные связи с регионом, в то время как Латинская Америка, и в первую очередь Южная, стремились диверсифицировать свои отношения с новыми партнерами в мире⁵ в противовес традиционному влиянию промышленно развитых стран Запада. Этот процесс предполагал — на фоне появления восходящих экономик, в первую очередь, Китая — реконфигурацию глобальных связей между «Севером» и «Югом», появление новых альянсов и блоков, таких как BRICS, Трехсторонний форум IBSA (Индия, Бразилия, ЮАР) и объединение МІКТА (Мексика, Индонезия, Южная Корея, Турция, Австралия), и новых многосторонних организаций, в частности, G-20, на платформе которых мировой Юг получил ключевые роли. Этот процесс также привел к вытеснению Атлантического региона Азиатско-Тихоокеанским регионом, импульс восхождению которого задал мощный и устойчивый экономический рост Китая⁶.

В поисках большей автономности

На перечисленные выше процессы международная система отреагировала большей многополярностью и растущим полицентризмом. Латиноамериканские страны, особенно Южной Америки, воспользовались новой международной конъюнктурой для достижения большей автономности от США. В этом контексте на протяжении последнего десятилетия в регионе был создан ряд региональных организаций с различными приоритетными задачами и подходами. В 2002 г. Куба и Венесуэла подписали Договор торговли народов (Tratado de Comercio de los Pueblos, TCP), который обрел силу с 2004 г. — с включением новых стран сначала в Боливарианскую альтернативу Америк, которая резко критиковала проект ALCA с антивашингтонских позиций, а затем в ALBA, который стимулировал (при нефтяной и финансовой поддержке Венесуэлы) сотрудничество по линии Юг — Юг, при этом сохраняя жесткую антиамериканскую риторику. В мае 2008 г., после длительного процесса, ключевая роль в котором принадлежала Бразилии, на базе Южноамериканского сообщества наций (Comunidad

Sudamericana de Naciones, CSN) был образован Unasur в составе 12 южноамериканских государств, включая Гайану и Суринам — две страны, традиционно связанные с CARICOM. В феврале 2010 г. в г. Канкуне (Мексика) все правительства Латинской Америки и Карибского бассейна создали Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (Comunidad de Estados Latinoamericanos y del Caribe, CELAC), куда не вошли США и Канада. CELAC взяло на себя функции Группы Рио, служившей с 1980-х годов консультационным и координационным форумом и сформированной на основе Контадорской группы, с 80-х годов XX в. игравшей ключевую роль в преодолении центральноамериканского кризиса тех лет. CELAC выступило с рядом инициатив, налаживая диалог с различными внерегиональными акторами, такими как Индия, Китай, Россия и Евросоюз, которые вылились в проведение Саммита CELAC — Китай в Пекине в январе 2015 г., а в июне того же года — Саммита CELAC — ЕС в Брюсселе.

В противовес этим процессам, проходящим в рамках постлиберального регионализма, в 2012 г. Колумбия, Чили, Перу и Мексика сформировали Тихоокеанский альянс (Alianza del Pacífico, AP), инициированный с целью вдохнуть новую жизнь в соглашения о свободной торговле между этими странами и установить более тесные связи между ними и АТР — в первую очередь путем участия в Транстихоокеанском партнерстве (Trans-Pacific Partnership, TPP), созданном по инициативе США. Панама и Коста-Рика вошли в этот союз в качестве наблюдателей, стремясь в скором будущем стать его полноправными членами.

Несмотря на то, что появление AP также отвечает необходимости найти противовес политическому влиянию государств — членов ALBA в регионе, доминировавших на стыке двух первых десятилетий этого века, основная цель латиноамериканского регионализма состояла в том, чтобы обеспечить большую независимость от США — будь то в радикальной форме, как у государств — членов ALBA, или в более осторожной, как в случае Бразилии. Несмотря на это регион не смог преодолеть раскол и отсутствие консолидированных институтов, на фоне чего сохранялся приоритет национальных интересов и защиты суверенитета, которые оказались превыше наднациональных соглашений.

Тем не менее общей чертой этих процессов было желание правительств региона включить Кубу в сообщество Латинской Америки и в конечном счете всего полушария. За два последних десятилетия Гавану неоднократно приглашали на встречи и форумы высокого уровня, а также региональные саммиты, проводимые по инициативе различных организаций и блоков, включая Mercosur и иберо-американские саммиты, благодаря чему Гавана стала активным и постоянным участником основных политических мероприятий в регионе. Куба также подписала многочисленные соглашения с различными правительствами и организациями региона, не считая государства ALBA. Куба сыграла важную роль как член — основатель CELAC. Полноправное включение Кубы в CELAC произошло на саммите CELAC, прошедшем в Гаване в январе 2014 г. под кубинским председательством. Принявшие участие в саммите генеральный секретарь ОАГ, президенты и главы правительств всего региона в итоговой декларации в очередной раз выразили поддержку правительству Кубы и несогласие с эмбарго Вашингтона против острова.

Основные акторы процесса

Венесуэла (во многом благодаря харизме и влиятельности в регионе президента Уго Чавеса (1999—2013)⁷ играла ведущую роль в процессе включения Кубы в CELAC, особенно с момента создания ALBA. Осторожная поддержка Бразилии, в частности во время президентства Луиса Инасиу Лулы да Силвы (2003—2011)⁸ также была одним из ключевых факторов в процессе, несмотря на то, что позиция этого государства в отношении США с учетом политических и экономических издержек радикальной конфронтации с Вашингтоном была не столь открыто антагонистической — по меньшей мере до того момента, когда в самом начале президентского мандата Дилмы Руссефф (2011 — по н/в) разразился скандал, связанный с тем, что США шпионили за руководством Бразилии. Еще более осторожной была позиция колумбийского правительства. Несмотря на то, что США в последние два десятилетия были одним из основных союзников Колумбии, Куба сыграла основополагающую роль в мирных переговорах между колумбийским правительством и двумя партизанскими армиями — Революционными вооруженными силами Колумбии (Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia, FARC) и Армией национального освобождения (Ejército de Liberación Nacional, ELN) и помогла снизить напряженность между Боготой и правительством Чавеса. До создания CELAC Мексика была в стороне от процесса, даже учитывая ее исторически сложившиеся тесные отношения с Кубой, прерванные кризисом при мексиканском президенте Висенте Фоксе (2000—2006). Тем не менее, после восстановления отношений при Фелипе Кальдероне (2006—2012) и позже, при президенте Энрике Пенья Ньето (2012 — н/в), Мексика заняла в данном вопросе активную позицию.

В этом контексте решение правительства Панамы — при поддержке остальных латиноамериканских и карибских правительств и молчании США — пригласить кубинские власти на VII Саммит Америк, проходивший в апреле 2015 г. в г. Панаме, оформило окончательное включение Кубы в CELAC, несмотря на недовольство тех, кто подвергал сомнению приверженность Кубы демократии и правам человека, а также реальные достижения на поприще экономических реформ, реализуемых сейчас на острове.

Признавая общую благоприятную атмосферу для восстановления отношений между Кубой и США, созданную правительствами региона, вклад и влияние каждого из них на ход процесса оценить трудно. Ясно то, что большинство из них выступали за включение Кубы в ОАГ и что посредством заявлений организаций, созданных в рамках нового латиноамериканского регионализма, сформировался климат давления, обеспечивший прочный фундамент для того, чтобы США согласились с возвращением Кубы в сообщество стран полушария. Об этом, в частности, свидетельствовали переговоры в ходе подготовки VII Саммита Америк. В любом случае, даже если двусторонние переговоры, начатые в декабре 2014 г., стали результатом долгого процесса, в котором США и Куба принимали суверенные решения без прямого вмешательства латиноамериканских и карибских государств, недавние перемены в регионе были крайне благоприятными и в значительной степени способствовали началу этого процесса. Здесь, впрочем, не стоит недооценивать и другие важные факторы — как внутренние, так и международные. Время покажет, как будет развиваться диалог между Кубой и США, но уже сейчас можно утверждать, что VII Саммит Америк, на котором состоялись личные встречи кубинского и американского

лидеров, бесспорно, стал исторической вехой в деле восстановления связей между обоими государствами.

VII Саммит и будущее отношений между США и Латинской Америкой

Сюрпризов на VII Саммите Америк было немного, хотя он и не полностью соответствовал заранее разработанному сценарию. При том, что центральной темой саммита было «Равенство с процветанием», все внимание к себе привлек чисто политический вопрос — восстановление диалога между США и Кубой, многочисленные заявления Обамы и его администрации о начале нового этапа отношений со странами ЛКА. Выступление Рауля Кастро, несмотря на отсылку к исторической конфронтации между двумя странами и продолжающейся экономической блокаде, все же носило примирительный характер. Фотография, на которой запечатлено рукопожатие двух президентов, и последующая двухсторонняя встреча обозначили начало нового этапа в отношениях между государствами и стали первым шагом к возвращению США в Латино-Карибскую Америку.

В речи на пленарной сессии Р.Кастро признал некоторые положительные стороны политики североамериканского государства, хотя и констатировал, что США препятствуют развитию политического процесса на Кубе. Обама в свою очередь дал понять, что диалог между Вашингтоном и Гаваной находится в «переломной точке». Было очевидно также, что как Кастро, так и Обама согласны в том, что не следует «попадать в плен прошлого и нужно смотреть в будущее». В конце саммита Обама и Кастро формально пожали друг другу руки и в ходе пресс-конференции заявили, что готовы продолжать диалог, несмотря на признание имеющихся разногласий. Это вышло на первый план впечатлений от саммита.

В целом саммит продемонстрировал положительные сдвиги в диалоге, начатом между США и Кубой, — как для острова, так и для всего региона. Действительно, из фраз, сказанных на форуме, можно выделить две: ту, в которой этап налаживания диалога назван «переломной точкой», причем не только в отношениях между Кубой и США, но и в отношениях Вашингтона со всей Латинской Америкой, а вторую — о необходимости смотреть в будущее.

Однако, мощный сигнал, посланный странам региона администрацией Обамы — начало двусторонних переговоров с Кубой и присутствие Рауля Кастро на саммите, — а также необходимость смотреть в будущее ставят новые вопросы в том смысле, как сложатся отношения Вашингтона с регионом в перспективе, имея в виду прежде всего изменения в международной обстановке, а также каким образом будут структурироваться эти новые отношения между ними.

II. КУБА И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В ГЛОБАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ США

Недавние перемены в международной обстановке и их влияние на Латинскую Америку

Поступательное формирование многополярного и полицентричного мира происходит в обстановке, когда геоэкономические процессы неотделимы от геополитических и где очевидна утрата глобальной управляемости.

Новые формы взаимодействия, новые блоки и альянсы, новые институты, особенно в экономической и финансовой области, например, уже упомянутые BRICS, МІКТА, G-20, а также группа G-77 + Китай, Банк развития АТР и многочисленные инициативы, предложенные Югом, являются очевидными доказательствами этого процесса трансформации. Последующие геополитические изменения ассоциируются с переменами в соотношении сил на глобальном уровне, с переориентированием внешнеполитических курсов и интересов ряда ключевых акторов системы, с усложнением картины международных взаимодействий, с развертыванием новых угроз и рисков стабильности и управляемости международной системы и с постоянной опасностью вооруженных конфликтов различного характера и гуманитарных кризисов, связанных с гонкой вооружений. Все эти факторы сопряжены с новыми геоэкономическими процессами, а также с демографическими, технологическими и экологическими переменами⁹, оказывающими серьезное воздействие на международный порядок и на формирование новой многополярной и полицентричной системы, где сосуществуют вестфальские принципы, по которым доминирующая роль отдается государству как основополагающему актору, с новыми явлениями негосударственного характера, оспаривающими условную архитектуру международной системы и ось мировой динамики с центром в промышленных странах Запада.

В этом контексте основополагающим геоэкономическим элементом перемен является восхождение АТР на фоне попыток вернуть былой динамизм Атлантического региона, который пока остается ключевым мотором экономики в том, что касается торговли, инвестиций и технологических инноваций, но чей вес в международном масштабе имеет тенденцию к снижению¹⁰.

В свою очередь на фоне поступательного смещения центра мировой динамики от Атлантического региона к АТР, ЛКА, несмотря на исторически тесные связи с экономиками Северной Атлантики, сталкивается сегодня преимущественно с двумя силами — США и Китаем. В этой ситуации ЛКА, с одной стороны, ищет подходящие схемы отношений с Китаем и АТР в целом, а с другой — старается сохранять и углублять связи с США и ЕС, при этом не сбрасывая со счетов других ключевых акторов в рамках нарастающего сотрудничества по линии Юг — Юг.

Эти задачи, в свою очередь, отвечают доминирующей в регионе тенденции к сохранению собственной динамики, которая характеризуется центростремительными региональными процессами, и отображают структурную сложность в мире, где все сильнее наблюдается тенденция к растущей значимости регионов, вырабатывающих коллективные ответы на меняющуюся международную обстановку.

В настоящее время, после периода благоденствия, который благоприятствовал региону до 2013 г., на замедление темпов роста мировой экономики влияют смена стратегических приоритетов китайской экономики (от инвестиций к производственной сфере и от экспорта к росту внутреннего потребления товаров и услуг с целью укрепления внутреннего рынка); частичное восстановление экономики США после финансового кризиса 2008 г. и формирование неоднородной картины в Евросоюзе, а также восхождение и рост таких экономик, как Индия.

В рамках этих глобальных тенденций, начиная с середины 2003 г., исключительные условия, в которых развивалась международная экономика

до международного финансового кризиса 2008 г., сформировали контекст, чрезвычайно благоприятный для того, чтобы ЛКА смогла удерживать стабильный рост. В то же время сочетание устойчивого уровня экономической активности в развитых экономиках и появления на мировой арене новых весомых акторов (Китая и Индии) позволили не только увеличить объем международной торговли, из которого извлекли выгоду латиноамериканские и карибские экономики, но и улучшить цены на сырьевые товары — так называемый *бум на мировых товарных рынках*, — являющиеся одним из основных элементов экспортной номенклатуры экономик Южной Америки¹¹. Это обстоятельство создало благоприятную почву для формирования и развития нового латиноамериканского регионализма.

В недавнем отчете эксперты ЭКЛАК сделали следующие выводы. Мировая экономика по-прежнему не может выйти на уровень устойчивого роста, который был зарегистрирован до мирового экономического кризиса 2008—2009 г. Экономика США кажется самой динамичной среди развитых стран, хотя и демонстрирует структурную слабость. Государства Зоны евро в целом медленно выходят из рецессии, продолжавшейся шесть кварталов с конца 2011 г. до начала 2013 г. В среднесрочной перспективе ожидается, что они сохранят низкие темпы роста, очень низкую инфляцию, высокие показатели задолженности и безработицы и слабую инвестиционную динамику — все это последствия финансового кризиса. В этом десятилетии экономика Японии росла в среднем на 0,7% в год. Китай демонстрировал одни из самых высоких показателей годового прироста в мире в период с 2001 по 2010 г.: в среднем 10,5%, причем даже в период глобального финансового кризиса; тем не менее, с начала 2012 г. рост его экономики замедлился и упал до 7,4% в 2014 г.; в 2014 г. Китай сохранял позиции главного экспортера и второго импортера товаров в мире, и все же во второй половине этого года его экспорт и импорт продемонстрировали противоположные тенденции. Положение других восходящих экономик весьма неоднозначно: в Индии темп прироста экономики достиг в 2014 г. 7,2%, а в 2015 г. составил 7,5%; в то время как в ЛКА в среднем наблюдается экономический спад¹².

Действительно, показатели роста в регионе в последнее десятилетие четко отражают колебания международной экономической конъюнктуры. Региональный рост в 2014 г. составил всего 1,1%, и эксперты ЭКЛАК предвидят, что в 2015 г. он спадет до 1,0%, что станет самым низким показателем с 2009 г.¹³.

Разницу в показателях Южной Америки с одной стороны и Центральной Америки и Мексики — с другой можно объяснить как внешними, так и внутренними факторами. В посткризисный период 2008—2009 г. мировой ВВП и торговля росли медленнее, чем в период, непосредственно предшествующий кризису. Тем не менее рост торговли замедляется существенно, чем ВВП. По прогнозам объем мировой торговли восстановится только к 2015—2016 г., причем рост составит 3,3% и 4,0% соответственно, тогда как в течение предшествующих трех лет этот показатель в среднем равнялся 2,4%.

Ухудшение условий в международном контексте вызвало резкий спад региональной экспортной динамики. За низкие показатели экспорта с 2012 г. в первую очередь несет ответственность Южная Америка. Ожидается, что сложный международный контекст по-прежнему будет оказывать негативное воздействие на экспортные показатели ЛКА, особенно Южной Америки. Спад торговой динамики в мире и в регионе совпадает с неопределен-

ностью в вопросе о Дохийском раунде переговоров ВТО¹⁴, с начала которых прошло уже более 13 лет. Но в случае успеха этих переговоров будут заключены региональные мегасоглашения, что в последующие годы будет оказывать огромное влияние на географическое распределение и управляемость мировых торговых и инвестиционных потоков¹⁵.

В этом контексте имело место значительное влияние роста в Китае на мировую экономику, и тем не менее вследствие ряда экономических реформ, нацеленных на решение серьезных макроэкономических и социальных проблем, в 2014 г. объем торговли товарами между ЛКА и КНР сократился на 2% по сравнению с 2013 г., впервые упав с 2009 г., несмотря на то, что Китай уже является для региона вторым основным экспортером и третьим основным импортером. ЛКА также стала важным торговым партнером Китая. Однако, учитывая меньшие темпы роста, прогнозируемые на следующие годы, как в Китае, так и в регионе, двусторонняя торговля не будет расти столь высокими темпами, какие мы наблюдали в последние полтора десятилетия. Отдельная тема — инвестиции, которые имеют тенденцию к росту, особенно в сфере горнодобывающих и инфраструктурных проектов преимущественно в рамках соглашений межгосударственного характера.

Снижение темпов роста мировой экономики, которое констатировали эксперты таких международных организаций, как Международный валютный фонд (МВФ) или Всемирный банк (ВБ) и которое препятствует восстановлению торговых потоков и ведет к ухудшению условий доступа на международные финансовые рынки, сформировало новую среду, где экономики стран ЛКА должны будут приспособиться, если они хотят сохранить показатели (хотя и неравномерные между странами) экономического роста, зарегистрированные с 2011 г.

Внешние обстоятельства, стимулировавшие рост экономик государств ЛКА в предшествующее десятилетие, особенно до международного финансового кризиса 2008 г., существенно ухудшились¹⁶. Вследствие этого уровни экономического роста и степень автономии стран региона, которыми характеризовался предыдущий этап и которые были благоприятными факторами для стимулирования нового регионализма в первые годы текущего века, в новых глобальных обстоятельствах международной экономики могут оказаться под угрозой. В частности, глобальные перемены, связанные с экономическими тенденциями как в США, так и в Китае, затронули разные регионы ЛКА¹⁷, вследствие чего страны — члены ЕС, не теряя своей значимости, все же были смещены этими двумя государствами на второй план.

Международная включенность ЛКА в этом контексте зависит от резкой смены векторов распределения власти и богатств, связанной со смещением центра политического и экономического веса к АТР. Действительно, торговые потоки между АТР и Латинской Америкой ежегодно росли примерно на 20,5%, из которых половина приходится на торговые потоки с Китаем¹⁸.

В ЛКА эти процессы перемен отражаются в двойной динамике восхождения и увеличивающегося расслоения. С одной стороны — восхождение региона в целом, первоначально стимулированное сильным экономическим ростом, большим глобальным проецированием и более активным участием в работе международных организаций и вновь возникающих структур глобального управления, таких как G-20. А параллельно еще заметнее стала неоднородность, исторически характеризующая ЛКА. К традиционной не-

равномерности экономических показателей и социальной структуры добавились другие факторы дифференциации, связанные с политическими моделями, стратегиями развития или видением внешней политики и международной включенности¹⁹.

Эту неоднородность, особенно заметную в области процессов нового постлиберального или постгегемонического регионализма, следует анализировать через призму ряда глобальных инициатив, предложенных США и Китаем и связанных с подписанием мегасоглашений, реализуемых в настоящий момент, поскольку они высвобождают центробежные силы, усугубляют региональные разломы — независимо от растущего веса региона в международном контексте и от его участия в глобальном управлении. В этом смысле, несмотря на то, что для некоторых акторов и международных организаций ЛКА кажется самым многообещающим регионом мира, ее нынешнее положение отражает серьезные внутренние проблемы, связанные как с упомянутой нами неоднородностью, так и со способностью выступать с единых позиций в международной системе.

Китай и другие акторы в ЛКА — эффект полицентричного мира

В последнее десятилетие в области торговых отношений Китай стал вторым после США экспортером в Латинскую Америку, сместив на третье место ЕС, одновременно выступая для многих стран региона в роли крупнейшего покупателя²⁰. Действительно, Китай превратился во второго торгового партнера Бразилии, Чили и Уругвая, сместив с этого места, помимо прочих, Евросоюз, а в 2011 г. стал основным рынком сбыта для Бразилии, Чили и Перу и вторым по важности для Аргентины, Венесуэлы, Кубы и Уругвая²¹.

Бум латиноамериканского экспорта с 2003 по 2013 г. в значительной степени обусловлен экспансией китайской экономики, которая вызвала экономический рост в 3,6%, на контрасте с двумя предшествовавшими десятилетиями — периодом так называемого Вашингтонского консенсуса с его упором на ортодоксальную экономическую политику, на открытии рынков и снижении роли государства. В течение этих двух десятилетий рост был значительно медленнее — 2,4%²².

Некоторые эксперты указывают на четыре основные причины интереса Китая к Латинской Америке: важность региона как источника сырьевых товаров для китайской экономики; привлекательность ЛКА как рынка сбыта для продукции китайского производства; роль ЛКА как потенциального политического союзника в связи с ее видением глобального управления, включая ее интерес к поддержке развивающихся стран в их стремлении превратиться в великие державы; поддержка правительствами государств ЛКА принципа «единого Китая»²³.

Тем не менее торговые отношения, установленные Китаем с ЛКА, построены по той же схеме, что и с развитыми западными странами. Латиноамериканский регион поставляет нефть, медь, сою и мясо, помимо прочих сырьевых товаров, и принимает конечную продукцию и технологии. Следовательно, пока расширялся рынок сырьевых товаров, ЛКА получала все больше автомобилей, компьютеров и машин из Китая как часть товарообмена, поставляя сырье.

И все же, несмотря на то, что Китай в настоящее время является для ЛКА вторым экспортером и третьим импортером, по данным ЭКЛАК, торговля между Китаем и ЛКА в 2014 г. упала на 2% по сравнению с 2013 г., что стало первым спадом после 2009 г. Вместе с замедлением темпов роста китайской экономики — с 7,4% в 2014 г. до прогнозируемых 7% в 2015 г.²⁴ — снизился и спрос на сырьевые товары, как и мировые цены на них: нефть, медь, соя, к примеру, упали в цене почти на половину, если сравнивать с ценами в предшествующее десятилетие. Действительно, чтобы выплатить долги, Венесуэла ныне должна поставить в Китай в два раза больше нефти, чем годом ранее. В Аргентине последствия особенно заметны в области сельского хозяйства и затрагивают основной экспортный продукт — сою, а в Бразилии снижение цен на сырье бьет по всей экономике в целом²⁵.

С другой стороны в 2014 г. Китай занял место ключевого финансового партнера Латинской Америки с 22 млрд долл., выделенными на финансирование региона, причем КНР предоставляет ЛКА больше капитала, чем ВБ и Межамериканский банк развития вместе взятые²⁶. В рамках стратегического планирования Китай стремится сделать свою финансовую власть в регионе многосторонней, вытесняя существующие региональные организации и на основе двустороннего сотрудничества оказывая поддержку новым стратегическим партнерам в регионе²⁷.

Действительно, Латинская Америка превратилась в стратегически важный для КНР регион. В январе 2015 г. в Пекине прошел Саммит Китай — CELAC, в ходе которого председатель Си Цзиньпин (2013 — н/в) объявил, что его страна в следующие десять лет инвестирует в ЛКА 250 млрд долл. и что торговый оборот его страны с ним достигнет 500 млрд долл.²⁸. Он также пообещал, что КНР вложит 20 млрд долл. в развитие инфраструктурных проектов и что будет создан Фонд сотрудничества Китай — CELAC с капиталом в 5 млрд долл.²⁹.

Эти инициативы полностью отвечают новой и рассчитанной на долгосрочную перспективу внешнеполитической стратегии Китая, который демонстрирует радикальную смену во внешней политике при Си Цзиньпине. В 2015 г., по данным МВФ, Китай сместил США с позиции крупнейшей экономики мира и в то же время увеличил количество инициатив по построению прочных политических, торговых и инфраструктурных связей с многими странами.

Новая китайская дипломатия, стимулированная Си Цзиньпином, сложнее и утонченнее, чем в предшествующие периоды. Вместо того, чтобы открыто оспаривать существующие международные институты, Китай пытается создавать новые платформы, которые Пекин мог бы контролировать или на которые мог бы оказывать существенное влияние. Посредством этих новых инициатив КНР стремится формировать для себя новую, более благоприятную международную обстановку, которая помогла бы ограничить стратегическое давление США, выступая с экономическими и торговыми инициативами, не входящими в прямое противостояние с Вашингтоном, но обеспечивающими Китаю (с геополитической точки зрения) большую безопасность и достижение его долгосрочных стратегических целей³⁰.

Геостратегическая конкуренция между Китаем и США отчетливо видна в нынешней динамике развития мегасоглашений, которые укрепляют значимость регионов. Вашингтон со своим старым союзником ЕС стимулирует

ет переговоры по Трансатлантическому соглашению о партнерстве в области торговли и инвестиций (Transatlantic Trade and Investment Partnership, ТТИР) с целью сохранения роли главного двигателя мировой экономической динамики. Одновременно продвигает Трансатлантическое партнерство с 11 из партнеров и союзников по АРЕС, как в Латинской Америке (например, три члена Тихоокеанского альянса (Alianza del Pacífico, АР) — Мексика, Перу и Чили), так и в АТР, исключая при этом Китай, с целью уравновесить влияние Пекина в данном регионе. Как ТРР, так и ТТИР отвечают стратегии США, направленной на сдерживание Китая в АТР и изоляцию и сдерживание влияния России на глобальном уровне, особенно по причине украинского кризиса. Переговоры по обоим проектам идут довольно тяжело как из-за имеющихся препятствий в диалоге с соответствующими внешними партнерами, так и из-за внутренних разногласий в США.

Китай в свою очередь в рамках саммита АРЕС в Пекине в 2014 г. выступил с предложением создать Зону свободной торговли АТР (Free Trade Area of the Asia-Pacific, ФТААП), которая бы расширила первоначальное предложение о формировании Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (Regional Comprehensive Economic Partnership, РСЕР), и начал развивать и углублять связи с Россией и евроазиатской зоной посредством ряда экономических и инфраструктурных соглашений.

Перевод с испанского А. ЧЕРНЫШЕВА

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ W.L e o G r a n d e, P.K o r n b l u t h. Back Channel to Cuba. The Hidden History of Negotiations between Washington and La Habana. Chapel: The University of North Carolina Press, 2014.

² A.S e r b i n. Círculos concéntricos. La política exterior de Cuba en un mundo multipolar y el proceso de “actualización”. — L.F.A y e r b e (ed.) Cuba, Estados Unidos y América Latina frente a los desafíos hemisféricos. Buenos Aires, Editorial Icaria, 2011, p. 229—267. A.S e r b i n. Cuba: a atualização do modelo económico e a política externa em um mundo multipolar. — Política Externa, 2013, Vol. 21, № 3, São Paulo, pp. 177—208.

³ La reconfiguración de América Latina y el Caribe: ¿Regionalismo post-liberal, post-hegemónico o post-neoliberal? El debate en curso. — A.S e r b i n, L.M a r t í n e z, H.R a m a n z i n i J ú n i r (coord.) El regionalismo “post-liberal” en América Latina y el Caribe: Nuevos actores, nuevos temas, nuevos desafíos. Anuario de la Integración Regional de América Latina y el Caribe. Buenos Aires, CRIES, 2012. Available at: www.cries.org

⁴ A.S e r b i n. Los nuevos regionalismos y la CELAC: Los retos pendientes. — A.B o n i l l a, I.A l v a r e z E c h a n d i (ed.). Desafíos estratégicos del regionalismo contemporáneo: CELAC e Iberoamérica. San José, FLACSO, 2013, p. 47—78.

⁵ F.Z a k a r i a. The Post-American World. New York: Norton, 2008.

⁶ A.S e r b i n. ¿Atlántico vs. Pacífico?: Mega-acuerdos e implicaciones geo-estratégicas para América Latina y el Caribe”. — A.S e r b i n, L.M a r t í n e z, H.R a m a n z i n i J ú n i r (coord.) ¿Atlántico vs. Pacífico?: América Latina y el Caribe, los cambios regionales y los desafíos globales. Buenos Aires, CRIES, 2014, p. 15—72. Available at: www.cries.org

⁷ A.S e r b i n. Chávez, Venezuela y la reconfiguración política de América Latina y el Caribe. Buenos Aires: Editorial Siglo XXI, 2010.

⁸ M.R.S o a r e s d e L i m a. Nova Agenda Sulamericana e o Papel Regional do Brasil. — Pensamiento Propio, Buenos Aires, 2014, № 39, pp. 211—248.

⁹ S.B i t a r. Why and How Latin America Should Think About the Future. Global Trends and the Future of Latin America. Washington D.C., Inter-American Dialogue, 2013. S.B i t a r. Las tendencias mundiales y el futuro de América Latina. Santiago de Chile, CEPAL — Diálogo Interamericano, Serie de Gestión Pública, 2014.

- ¹⁰ A.S e r b i n. ¿Atlántico vs. Pacífico?: Mega-acuerdos e implicaciones geo-estratégicas para América Latina y el Caribe”. Op. cit. Buenos Aires: CRIES, 2014, № 10, pp. 15—72. Available at: www.cries.org
- ¹¹ J.J.H e r n á n d e z M o r e n o. La inserción internacional de América Latina y el Caribe: Dificultades para la sostenibilidad del crecimiento económico. — Documento Opinión. Madrid: Instituto Español de Estudios Estratégicos, 2015.
- ¹² CEPAL. América Latina y el Caribe y China. Hacia una nueva era de cooperación económica, Naciones Unidas: Santiago de Chile, 2015.
- ¹³ Ibidem.
- ¹⁴ F.P e ñ a. Fragmentación en las negociaciones comerciales: los mega-acuerdos inter-regionales y su potencial impacto en la gobernanza global. — Newsletter, Buenos Aires, 2014.
- ¹⁵ CEPAL. Op. cit.
- ¹⁶ CEPAL. Estudio económico de América Latina y el Caribe. Desafíos para la sostenibilidad del crecimiento en un nuevo contexto externo. Santiago de Chile, 2014.
- ¹⁷ J.J.H e r n á n d e z M o r e n o. Op. cit.
- ¹⁸ J.H e i n e. The next step in China-LAC links, 2015. Available at: www.cries.org
- ¹⁹ J.J.H e r n á n d e z M o r e n o. Op. cit.
- ²⁰ P.K u m m e t z. China: Latin America’s Dangerous New Friend, 2015. Available at: <http://www.dw.com/en/china-latin-americas-dangerous-new-friend/a-18193543>
- ²¹ J.H e i n e. Op. cit.
- ²² K.G a l l a g h e r. Why Latin America should not Squander the China Boom. — BBC News, 25.I.2015.
- ²³ E.E l l i s. China on the Ground in Latin America. Challenges for the Chinese and Impacts on the Region. London: Palgrave MacMillan, 2009. R.L e i t e r i t z. China and Latin America: A Marriage made in Heaven? — S.M a n t i l l a B a c a (ed.). La expansión de China en América Latina. Quito: CELAEP — Fundación Hanns Seidel, 2015, pp. 159—190.
- ²⁴ M.M a g n i e r. China se alista para la nueva realidad de un crecimiento más moderado. — The Wall Street Journal Americas, 2015, p. 23.
- ²⁵ P.K u m m e t z. Op. cit.
- ²⁶ P.W e l i t z k i n, R.Q i. China is a Key Banker for Latin America. — China Daily, 9.III.2015.
- ²⁷ M.V e l l o s o. China avanza sobre América Latina // La Nación, 13.IV.2015, p. 19.
- ²⁸ Los Andes. Mendoza, 9.I.2015.
- ²⁹ K.G a l l a g h e r. Op. cit.
- ³⁰ W.Z h e n g. China’s Alternative Diplomacy. China has just made its biggest foreign policy adjustment in 25 years. — The Diplomat, 30.I.2015.

Окончание следует

Andres Serbin (aserbin@cries.org)

President of the regional coordination centre for economic and social research CRIES with an office in Buenos Aires, an expert in the field of international relations

New cycle of the Latin American Regionalism in the XXI century? Challenges and Obstacles after Normalization of U.S. — Cuban Relations

Abstract. The author analyzes the new Latin American regionalism formed under the favorable international circumstances in the first 10 years of the XXI century, as well as the U.S. new strategy towards the Latin America and the Caribbean countries, by which Washington is trying to counter the growing presence in the region of such extra-regional actors as China, Russia, Iran, etc.

Key words: Latin American regionalism, USA, China, Russia, Washington — Havana, Asia-Pacific Region